

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 1 (70). С. 146–152.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2022. Vol. 1 (70). P. 146–152.

Научная статья
УДК 128
doi: 10.54398/1818-510X_2022_1_146

ПРОБЛЕМА СОЗНАНИЯ И ЦИФРОВОГО СУМАСШЕСТВИЯ В ПОСТСТРУКТУРАЛИСТСКОМ ДИСКУРСЕ: ДЕЛЁЗ – СИНГУЛЯРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Давыдов Игорь Александрович

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
Galindas@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3863-3025>

Аннотация. В данной работе хотели бы обозначить основные точки постструктуралистского дискурса, в рамках которого активно постулируется тема сознательного сумасшествия. В статье рассмотрены разные понимания сознания и сумасшествия в западной и русской философии, взгляды двух философских школ – делезианской и сингулярной антропологии. Показаны основы концептов Жюлья Делёза и Феликса Гваттари, а также представителей современной русской философии. Шизофреник Запада противопоставлен юродивому Востока. Плоское (цифровое) восприятие сумасшествия противопоставлено восприятию глубинному как попытки выхода за пределы объективного, используя априорный аппарат воображения Канта. Субъективность человеческого рассматривается в качестве антитезы объективности постчеловеческого. В статье ясно прослеживается апология консервативных, традиционалистских взглядов на проблему сознания. Продолжая спинозистский подход к разделению единого поля сознания на аффекты и идеи, Делёз и Гваттари предлагают расщепить сознание окончательно на бесконечно дискретные потоки в новой постмодернистской реальности ризоматических связей. Очевидным представляется тот факт, что герменевтический анализ слова «сознание» даёт ему две важные интерпретации: с одной стороны, сознание в западной философии обладает сугубо рациональной коннотацией, с другой – сознание в русской философской традиции несёт целостность своего восприятия без аффективно-идейной дихотомии.

Ключевые слова: цифровое сумасшествие, шизомаасса, желающие машины, сознание, аффекты, идеи, рацио, дигитальная плоскость, шизопотоки, коды, сингулярная философия

Для цитирования: Давыдов, И. А. Проблема сознания и цифрового сумасшествия в постструктуралистском дискурсе: Делёз – сингулярная антропология // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 1 (70). С. 146–152. https://doi.org/10.54398/1818-510X_2022_1_146.

Это произведение публикуется по лицензии [Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

THE PROBLEM OF CONSCIOUSNESS AND DIGITAL MADNESS IN POSTSTRUCTURALIST DISCOURSE: DELEUZE – SINGULAR ANTHROPOLOGY

Igor A. Davydov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Galindas@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3863-3025>

Abstract. In this article, I would like to identify the main points of the poststructuralist discourse, in which the topic of conscious insanity is actively postulated. The article considers different understandings of consciousness and madness in Western and Russian philosophy, the views of two philosophical schools – Delesian and singular anthropology. The basics of the concepts of Deleuze and Guattari, as well as representatives of modern Russian philosophy, are shown. The schizophrenic of the West is opposed to the blessed fool of the

East. The flat (digital) perception of insanity is opposed to the deep perception, as attempts to go beyond the objective, using Kant's a priori apparatus of imagination. The subjectivity of the human is considered as the antithesis of the objectivity of the posthuman. The article clearly traces the apology of conservative, traditionalist views on the problem of consciousness. Continuing the Spinozist approach to dividing the unified field of consciousness into effects and ideas, Deleuze and Guattari propose to split consciousness completely into infinitely discrete flows in the new postmodern reality of rhizomatic connections. It seems obvious that the hermeneutic analysis of the word "consciousness" gives it two important interpretations: on the one hand, consciousness in Western philosophy has a purely rational connotation, on the other, consciousness in the Russian philosophical tradition carries the integrity of its perception without affective-ideological dichotomy.

Keywords: digital madness, schizomass, willing machines, consciousness, affects, ideas, rationality, digital plane, schizophrenia, codes, singular philosophy

For citation: Davydov, I. A. The problem of consciousness and digital madness in poststructuralist discourse: Deleuze – singular anthropology. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2022, no. 1 (70), pp. 146–152. https://doi.org/10.54398/1818-510X_2022_1_146.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Введение

Актуальность выбранной темы заключается в двойственной и неопределённой трактовке понятия сумасшествия. С одной стороны, сумасшествие в западном философском дискурсе воспринимается как антитеза разуму, с другой – в русской философской традиции разум, мышление и сознание представляют собой целостное, единое образование, вмещающее в себя и сумасшествие, но понятное иначе, чем это делала постструктуралистская школа онтологии.

В представленной статье я попытаюсь дать иной, альтернативный взгляд на сумасшествие, в котором проявится не антитеза разуму, а стремление к синтезу сознания, что позволит исходить из новых предпосылок к объяснению и решению самой проблемы сумасшествия. В данном ракурсе возможным станет понимание связи сумасшествия с единым сознанием. Сумасшествие предстанет в виде выхода в трансцендентную реальность посредством осуществления духовного единства. Шизо-концепт Делёза и Гваттари, напротив, будет рассмотрен в качестве «новой нормальности», шизо-конформизма.

Таким образом, демаркация двух представлений о сумасшествии, западном и русском, соответственно, расширит исследовательскую оптику на этот феномен.

Основная часть

Делёз и Гваттари активно продвигали концепт шизофрении как пути освобождения от пресса рационального сознания. Шизофреник Делёза и Гваттари – фигура свободная, точнее, это набор, масса фигур, или, как его называли вышеозначенные авторы, стая. Стая состоит из множества прямо противоположных потоков, они неподотчётны контролю разуму, которое стремится довести над ними. Покончить с диктатурой разуму, значит, предоставить шизомам свободу потоков, достичь состояния нефашизма, ведь последний и есть ненавистное шизофреникам воплощение предельной рациональности. Шизома – масса людей, освободившихся от диктатуры разуму и направляемых «машиной желаний».

Сознание (с точки зрения Делёза) – спинозианская трактовка разуму, изгоняющее из своего пространства воображение и мир аффективного. Корень понимания шизофрении Делёзом и Гваттари в творчестве такого представителя французской богемной среды, как Антуан Арто, который даже придумал термин делезианской философии – тело без органов.

Тело без органов – это высшая ступень развития человечества, характеризующаяся тем, что оно полностью переходит в плоскость – последнее и самое совершенное, по Делёзу, понимание природы человека. Очевидно, что и тело без органов, и плоскость, и концепт ризомы воплотились в цифровом мире Постмодерна. Постмодернистское, постлиберальное поле и есть та цифровая плоскость, описанием которой занимался Делёз. Новый цифровой мир покончил с высотами и глубинами человеческой экзистенции прежних эпох, выровняв в эгалитарных шизофренических потоках и кодах всё буйство красок сознания и разницу восприятий Прошлого. Делёз не разрабатывал проблему времени, зато проблему пространства считал основной для философии. В этом пространстве находится масса потоков, соединённых в едином потоке – гиле, а также машина желаний, точка притяжения шизофреника, «кристалл

желаний» [10, р. 49], переводящий акцент с материальности индустриального этапа капитализма на ментальный уровень дигитальности посткапитализма. Шизофреник, по Делёзу, стремится к машине желаний, встроенной в непрерывный материальный поток – гиле, а параноик избегает её.

«Любая машина, перво-наперво, состоит в отношении с непрерывным материальным потоком (гиле), в котором она производит вырезки. Она функционирует как машина для нарезки ветчины: срезы выполняют выборку из ассоциативного потока. Например, ...рот и поток молока, но также и поток воздуха или звуковой поток... Каждый ассоциативный поток должен рассматриваться идеально, как бесконечный поток огромного свиного окорока. Гиле в действительности указывает на чистую непрерывность, которой материя обладает в своей идее» [3, с. 43].

Почему Делёз и Гваттари пошли за спинозианским пониманием мира, в котором есть два атрибута природы-Бога: протяжённость и мышление, – но отсутствует время? Потому что Кант показал, что время – антропологическая величина и связана с работой исключительно человеческого в человеке – его воображения. Будущее – это то, чего нет, но то, что дано человеку в виде грёз и мечтаний. Но Делёз и Гваттари были материалистами, и им не нужно было воображение и время, они оставили только плоскость и потоки, в которых человек неотличим от машины, нарезающей ветчину. Всё пространство есть лишь пространство срезов всеобщего потока, этого шизофреничного «свиного окорока», в котором не может быть ни глубин, ни высот, а есть лишь только одна плоскость, оду которой и поёт французский тандем новых онтологов.

Как понять такую позицию по отношению к человеку? Возможно, стоит обратиться к биографиям знаменитых авторов, провести минимальный психоанализ. Делёз потерял брата во время войны, Гваттари наблюдал муки душевнобольных посреди равнодушного буржуазного общества. Французский писатель Луи-Фердинанд Селин стал мизантропом после ужасов фронта, который оставил его инвалидом. В целом, французы в XX в. выглядят весьма пессимистичными, разочарованными в их национальном аутентичном девизе «Свобода, Равенство и Братство». Очевидно, что эти утончённые натуры испытали депрессию и падение в жестокую реальность двух мировых войн. Американский писатель Генри Миллер видел причины этого в том, что французам категорически нельзя было воевать. Все эти хождения строем, кровавые баталии и бряцанье оружием резко контрастируют с самой природой революционной нации: стремлением к свободе, вину, изысканной еде и развлечениям. Разочарование в проекте Модерна с его верой в человека и прогресс перенеслось у Делёза и Гваттари на всё человечество. Почему? Потому что они хотели оставить после себя систему. В этом они не изменили философам эпохи Модерна. Обобщение, абсолютизация, универсальные рецепты – всё это мы можем найти в теоретических раскладах Делёза: и в номадологии, и в ризоме, и в теле без органов.

Критикуя через своё разочарование системность предшественников, тандем создал систему, хотя сам презирал её, находя в ней фашизм. Фашизм они видели в любом нарративе, нарратив вторгается со своим «правильно» в потоки кодов, мешая им, ограничивая и подавляя. Всё, что структурирует, является фашизмом, по Делёзу. Что структурирует больше всего? По концепции де Соссюра, – язык. Соответственно от языка нужно избавиться как от постыдного аппарата фашизации.

Возникает логичный вопрос: почему Делёз и Гваттари пишут, используют язык, критикуют, вновь создавая полярность «правильно – неправильно»? Сами авторы не дают ответ на этот вопрос. Молчание – это и есть их идеал. Вероятно, состояние молчания они обретут в сверхчеловеческом измерении, они просто не достигли этого этапа слияния с «великим внешним».

Почему ризома, которую отождествляют со всемирной паутиной – интернетом, является деирархизированным пространством свободных горизонтальных (плоскостных) связей? Если внимательно присмотреться, то это не так. Мировая сеть стала именно сетью, опутывающей человечество, с цензурой и тотальным контролем. Цифра не даёт свободы, слово даёт её больше, но не полностью, и только в воображении человек обретает её. Коммуницируя, человек несвободен, потому что условие коммуникации – ложь. Высказывание должно соотноситься с мнением другого и говорить на его языке, а это условие тотальной несвободы. Но Делёз и Гваттари, утверждая смерть субъекта, говорят о «коллективных ассамбляжах

высказывания» [7, p. 18]. Данные ассамбляжи (сборки) допускают «любые комбинации – между техникой, животными и людьми» [8, p. 305].

Делёз был против контроля, он выступал за нефашизм. Быть нефашистом, значит, стремиться к идеалу Делёза и Гваттари – шизофренику, только «сознательному» шизофренику, так как он всегда движим за машиной желаний. Антипод шизофреника – параноик. Он избегает машины желаний. Стремление к удовольствию – это хорошо, по Делёзу, избегание – плохо. Социальная стигма с шизофреники должна быть снята, вследствие чего Общество поощряет шизо-вектор, а любую рациональность трактует как фашию. Рацию равно фашию.

Вопрос в том, что шизофрения не обладает в большинстве случаев гедонистической направленностью. При этом диагнозе наблюдается упадок сил (т. н. РЭП – редукция энергетического потенциала) и ангедония (невозможность получения удовольствия). Как правило, шизофрения приводит к выраженным деструктивным воздействиям на либидо, человек с этим диагнозом практически не интересуется сексом, шизофреники, пребывающие в состоянии бреда и помешательства, не могут вести полноценную интимную жизнь, что связано также и с гормональными изменениями, с психосоматикой.

Данная симптоматика весьма контрастирует с перманентным стремлением к машине желаний, декларируемым Делёзом и Гваттари.

Отдельного внимания заслуживает и тот факт, что шизофрения в цифровую эпоху значительно «помельчала». Связано это с поколенческой разницей. У больных доцифровой эры ясно прослеживается два этапа развития психического недуга: первый этап связан с неким масштабным «метанарративом», глобальной задачей, второй же характеризуется распадом психики на фрагментированные осколки, остатки сознания. В данном случае человек деградирует как бы в два этапа. Шизофреники же новой, цифровой эпохи пропускают первый этап. В их психике отсутствуют структуры, позволяющие состояться целостной «шизоконцепции», сознание изначально разорвано цифрой на мелкие куски, деградация проходит на порядок быстрее. Не потому ли, что они оставили себя в плоскости цифрового разума, искусственного интеллекта, отказались от своей субъективности, и данный отказ сублимировался в патологию? Вернуть себя себе – это антитезис сложившейся ситуации цифрового безумия. Западная цивилизация отказалась от единого сознания, отдав свою самость, свою субъективность цифровой плоскости. В этом состоит основная причина падения в одномерность постлиберализма с его постгуманистическими концептами. Деградирует не только когнитивная, нейрофизиологическая сторона проблемы Человека, но, прежде всего, его воля и свобода. Причина же этого – отказ от себя в себе.

Сам термин «шизофрения» Делёз и Гваттари наделяют своим, отличным от медицинской терминологии содержанием. Они считают шизофрению полем свободной спонтанности. Чтобы понять эту радикальную делёзианскую трактовку данного психиатрического термина, необходимо определить, какой смысл Делёз и Гваттари вкладывали в термин «сознание».

Сознание, по мысли французского тандема философов, тоже равнозначно фашистским конструктам. Аппарат насилия, фашизации – это сознание, а потоки желаний – то, что оно хочет репрессировать, подавить, поставить под свой тотальный контроль.

Полагаю, что под сознанием в западной философской традиции принято понимать лишь рациональный аппарат. Это чисто спинозианская трактовка сознания, утвердившаяся в европейской семантике. Она лишена тех глубоких смыслов, которые имеет в восточной и русской философских традициях. В последних данная трактовка исходит из несовпадения, нетождества внутреннего в человеке с внешним миром. Отсюда и априорный аппарат времени у Канта. В его концепции нет плоскости, а есть глубинная антропология, исследующая возможности человеческого познания. У Делёза возможностей нет, а есть плоскость, ограничение, ни вверх, ни вниз. Потоки и коды, снующие по плоскости, не уходят вниз или вверх, они действуют по заданному алгоритму, единожды разгадав который, люди смогут понять «бытие», окончательно изгнав из сознания иррациональное, грезящее начало, чего и хотел добиться Спиноза – философ № 1 для Делёза.

В русской философской традиции сознание занимает центральное место, оно выступает здесь точкой сборки человека, в которой он находит себя, свои смыслы и энергию жизни. В сингулярной философии сознание – это точка нетождества внутри человека, определяющая его чуждость этому миру.

Таким образом, сознание для сингулярной философии – это безумие, но не делезианское, а альтернативное внешней реальности, это параллельный мир, не представленный нигде, кроме как в человеке, что и выделяет его на фоне остального мира.

Сингулярной антропологии не нужен сверхчеловек, по крайней мере, тот, который декларируется ницшеанским подходом. Человек, простой человек, уже является вместилищем внутреннего, которое создаёт его высшие побуждения, полёт духа, силу воображения. В человеке есть всё, весь космос, чтобы достичь этого осознания ему необязательно совмещать «разные внешние потоки кодов», ему достаточно обратиться к внутреннему.

Постструктурализм во многом наследует идею Ницше: «Понятие "по ту сторону", "истинный мир" выдуманы, чтобы обесценить единственный мир, который существует, чтобы не оставить никакой цели, никакого разума, никакой задачи для нашей земной реальности? Понятия "душа", "дух", в конце концов, даже "бессмертная душа" выдуманы, чтобы презирать тело, чтобы сделать его больным "святым", чтобы всему, что в жизни заслуживает серьёзного отношения, вопросам питания, жилища, духовной диеты, ухода за больными, чистоплотности, климата, противопоставить ужасное легкомыслие!» [4].

Ницше оставляет лишь материальность, постструктуралисты же трактуют сверхчеловека в контексте его наполнения многими кодами и потоками ницшеанской материальности.

Но постструктуралисты не любили диалектику. Они боготворили метафизику. Выхватывая одну из многих цитат Ницше, они возводили её на пьедестал мысли, апеллируя к ней как к истине в последней инстанции. Делёз ненавидел диалектика Гегеля, но любил метафизика Спинозу. Поэтому и избрал Ницше столь одностороннюю трактовку человека. Тем более написанная выше цитата Ницше была создана в поздний период его творчества, когда его поразила тяжелейшая недуг психики.

Если обратиться к более раннему творчеству Ницше, то можно найти прямо противоположное определение человека: «лунатик дня» [1, с. 132]. Ницше любил философско-досократиков, особенно его увлекал Гераклит, который определял человека аналогично Ницше – «спящий на яву» [1, с. 47].

Данная сторона антропологии Ницше была детально рассмотрена в работе Ф. И. Гиренка «Введение в сингулярную философию», в которой были обозначены основные положения Московской антропологической школы (МАШ). Фёдор Иванович нашёл альтернативные устойчивые стороны антропологической проблематики великих философов. Те стороны, которые были упущены многими исследователями, увидевшими основное, системное, но не главное в творчестве великих мыслителей.

«Субъективность – это вещь из мира воображаемого параллельному миру реального. Мерой субъективности является не аффект и даже не эмоция, а воля... Представление о том, что есть какой-то ум, который вступает в борьбу с аффектами, создаёт иллюзорную онтологию субъективности. Иллюзия состоит в разделении субъективности на две части – на ум и аффекты. В мире нет никакого ума, нет логики. В нём есть, с одной стороны, тела и силы, а с другой – субъективность и воля» [2, с. 47].

Эта цитата Фёдора Ивановича Гиренка обнаруживает отличный от делезианского подход к проблеме сознания. Он состоит не в искусственной дихотомии сознания и бессознательного, предписанной социумом и аффективным, id и его, а в единстве сознания как волевого акта. Воля в концепции Гиренка лежит в основании субъективности. Антропология без субъективности превращается в онтологию, тогда нет никакого смысла познавать человека как отличное от чайника существо, ведь в онтологии всё лежит в плоскости – и чайник, и человек. Все смыслы уходят в ситуации, декларируемой Делёзом: «в мире есть лишь только тела и силы». Тела и силы есть, есть игра тел и сил, но человека и, соответственно, субъективности нет, смыслы уходят вместе с человеком. В мире онтологии появляется постчеловек, его онтология и изучает. Разные науки – разные предметы исследования. МАШ исследует человека и субъективность, онтология – объекты (тела) и силы. Гваттари утверждает данную позицию новой онтологии, считая, что ассамбляжи «человеческих групп, социально-экономических машин, информационных машин» [9, р. 24] заменяют собой субъективность единства сознания субъективностью становящихся сборок.

Делёз полюбил шизофреника, потому что он вписался в эту дихотомию сознание vs бессознательное. Делёз и Гваттари рассеяли сознание ещё больше, чем Фрейд и Лакан. Они

решили преодолеть фашизм (диктатуру расы) Фрейда и Лакана, заключавшийся в прохождении человеком нескольких психосексуальных стадий. Усмотрев в этих стадиях некое предписание правильности, Делёз и Гваттари решили разнести в прах этот очередной фашистский конструкт, а на его месте воздвигнуть новое здание шизоанализа, которое не пытается вернуть шизофреника в диктатуру расы, в социальную жизнь, что, собственно, и делали основатели психоанализа, а, наоборот, пытается утвердить шизофреника в его «естественности». Делёз воспринимал психические потоки, рассеивание этих потоков в виде кодов, эти коды существуют вне человека, они пронизывают его, человек оказывается на перепутье, просто марионеткой в этом хаосе алгоритмов. Никакого я, субъективности нет; в концепции Делёза пропадает человек, но появляется объект. Делёз уничтожил философию и антропологию, он деконструировал всех философов, кроме Ницше. Ницше Делёз любил, потому что в конце своей жизни они делали одно и то же: занимались деконструкцией и нигилизмом. Собственно, Ницше Делёз не мог деконструировать, потому что он и так был тотально нигилистичен.

Проблема безумия для философии конца XX – начала XXI в. является неким водоразделом между разными философскими школами. Шизофреник – классическое европейское определение. Кратко, шизофреник – это человек, в котором бессознательное победило сознание (расу), заняло его место и ни в чём себе не отказывает. Параноик – это человек, в котором бессознательное внедрилось в расу и лишь усилило его. Но этот взгляд возможен только тогда, когда принимается за эталон изначальное расщепление сознания. Европейская философия со времён Парменида расщепляла сознание, рассеивало его. Апогеем этого процесса стала концепция Фрейда с его трёхмерным расщеплением сознания на id, ego, super-ego. Но почему все повелись на этот тезис?

Однако в наше время происходит самая настоящая консервативная революция в умах отечественных философов. Шизофреник – это продукт Модерна, а делезианское прочтение шизофреника – продукт постмодерна. Модерн относился к нему отрицательно, постмодерн считает шизофреника эталоном развития человечества. Выпадая из заданных европейской философией координат, участница МАШ Наталья Николаевна Ростова постулирует оригинальный взгляд на проблему безумия. В её концепте безумец – юридический – это не шизофреник Фрейда или Делёза, а человек, переполненный человеческим. Иными словами, Ростова обнаружила альтернативную ветку человеческого развития, и заключается она в развитии воображения, воображение ведёт юридический и заполняет его сознание. То, что в западной философии трактуется как болезнь или как потоки кодов, в сингулярной антропологии имеет другое объяснение. Основное определение безумия в том, «что русский мир безумия строится вокруг объекта, который невозможен, но доступен в отличие от европейского мира безумия, для которого объект возможен и недоступен» [6, с. 111]. Это объяснение базируется на досократиках, религиозном понимании и традициях русской философии. Основное в данном подходе – человек не материальность, не код, не алгоритм, а выход за пределы объектного мира, воображение и, самое важное, цельность и полнота сознания, выраженные в наличии у человека субъективности – воли.

Выводы

Московская антропологическая школа (МАШ) решила отмотать ход истории мысли, обнаружить альтернативные пути понимания человека. МАШ акцентирует внимание на времени, поэтому и философское направление внутри этой школы называется археоавангард. Время – это то, что Делёз не считал философской проблемой. МАШ его таковой считает. Потому что время – призрачно, это то, чего нет, это поле субъективности, в котором субъект играет не с телами и силами Делёза, а утверждает свою волю через творчество и спонтанность воображения. Человек является мерой всего, потому что он субъективен, в нём есть просветы для будущего, будущее открывается ему через воображение, через сны. Делёз не хотел видеть сны, так как его любимый философ Спиноза боролся с аффектами. Европейская философия планомерно убивала человеческое в человеке со времён Парменида, изгоняя любые намёки на субъективность.

И вот она пришла к тотальному расчеловечиванию, к победе алгоритма и цифрового взгляда на жизнь, лишённой воли и человека. Через неё цивилизация пришла к постчеловеку, киборгам и компостам отработанного человеческого материала.

Список литературы

1. Гиренок, Ф. И. Введение в сингулярную философию / Ф. И. Гиренок. – Москва : Проспект, 2021. – 304 с.
2. Гиренок, Ф. И. Свобода и судьба. Что мы поняли благодаря пандемии? / Ф. И. Гиренок. – Москва : Проспект, 2021. – 80 с.
3. Делёз, Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. – Екатеринбург : У-Фактория, 2007. – 661 с.
4. Ницше, Ф. Эссе Homo, как становятся самим собой / Ф. Ницше. – URL: http://lib.ru/NICSHE/ессе_homo.txt (дата обращения: 18.10.2021)
5. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла / Ф. Ницше. – Москва : ЭКСМО ; Харьков : Фолио, 2006. – 1054 с.
6. Ростова, Н. Н. Человек обратной перспективы / Н. Н. Ростова // Вестник Томского государственного педагогического университета. Серия: Гуманитарные науки (философия). – 2007. – № 11 (74). – С. 105–112.
7. Deleuze, G. F. *Kafka. For a Minor Literature*, trans. Dana Polan / G. Deleuze, F. Guattari. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1986. – 136 p.
8. Dosse, F. *Gilles Deleuze and Félix Guattari: intersecting lives* / F. Dosse. – Columbia University Press, 2010. – 651 p.
9. Guattari, F. *Les trois ecologies* / F. Guattari. – Paris : Galilee, 1989. – 74 p.
10. Massumi, B. *A User's Guide to Capitalism and Schizophrenia: Deviations from Deleuze and Guattari* / B. Massumi. – Cambridge : Swerve Editions Press, 1992. – 221 p.

References

1. Girenok, F. I. *Vvedenie v singulyarnuyu filosofiyu* [Introduction to Singular Philosophy]. Moscow: Prospekt; 2021, 304 p.
2. Girenok, F. I. *Svoboda i sudba. Chto my ponyali blagodarya pandemii?* [Freedom and destiny. What have we learned from the pandemic?]. Moscow: Prospekt' 2021, 80 p.
3. Delez, Zh., Gvattari, F. *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia]. Ekaterinburg: U-Faktoriya; 2007, 661 p.
4. Nitsche, F. *Ecce Homo, kak stanoviyatsya samim soboy* [Ecce Homo, how to become yourself]. http://lib.ru/NICSHE/ecce_homo.txt (accessed 18 October 2021).
5. Nitsche, F. *Po tu storonu dobra i zla* [Beyond Good and Evil]. Moscow: EKSMO; Kharkov: Folio; 2006, 1054 p.
6. Rostova, N. N. *Chelovek obratnoi perspektivy* [The man of the reverse perspective]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki (filosofiya)* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. Series: Humanities (Philosophy)]. 2007, no. 11 (74), pp. 105–112.
7. Deleuze, G., Guattari F. *Kafka. For a Minor Literature*, trans. Dana Polan. Minneapolis: University of Minnesota Press; 1986, 136 p.
8. Dosse, F. *Gilles Deleuze and Félix Guattari: intersecting lives*. Columbia University Press; 2010, 651 p.
9. Guattari, F. *Les trois ecologies*. Paris: Galilee; 1989, 74 p.
10. Massumi, B. *A User's Guide to Capitalism and Schizophrenia: Deviations from Deleuze and Guattari*. Cambridge: Swerve Editions Press; 1992, 221 p.

Информация об авторе

Давыдов И. А. – аспирант.

Information about the author

Davydov I. A. – postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 19.10.2021; одобрена после рецензирования 04.12.2021; принята к публикации 27.12.2021.

The article was submitted 19.10.2021; approved after reviewing 04.12.2021; accepted for publication 27.12.2021.